

братом и “книжниками и фарисеями”, из уст которых исходила эта критика (ст. 2), хотя многие исследователи данные два стиха считают собственным комментарием Луки»¹⁶.

Так, на основе протестантских богословских источников представляется возможным выделить следующие когнитивные единицы в структуре притчи о блудном сыне: *покаяние, спасение, Бог, любовь, долготерпение*.

Когнитивные единицы *Бог* и *любовь* были выделены и при анализе православных толкований притчи. Можно утверждать, что они составляют когнитивное ядро всей притчи в целом. В свою очередь, и когнитивная единица *милосердие*, выделенная нами в православном дискурсе, семантически близка единице *долготерпение*, входящей в структуру протестантского дискурса.

Примечательно, что единицы, специфичные для протестантского дискурса (*покаяние, спасение*), имеют своим объектом человека и направлены на него, тогда как единицы, характерные для православного дискурса (*необъятность, действенность*), имеют своим объектом Божью любовь, раскрывая её признаки.

Таким образом, исследование жанровой специфики религиозного христианского дискурса способствует выявлению его глубинных семантико-когнитивных структур. Лингвокогнитивный анализ первичных и вторичных религиозных жанров позволяет не только выявить особенности их дискурсивного функционирования, но и установить лингвофилософские, теологические и лингвокультурные сегменты исследуемого типа дискурса.

УДК 81'42

СУБЪЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Е. Н. Васишлина

Карагандинская академия МВД Республики Казахстан
им. Б. Бейсенова
E-mail: helen-vasilishin@mail.ru

В статье актуализируется коммуникативно-прагматический подход к художественному дискурсу, который предполагает обязательную нацеленность дискурса на адресата/реципиента, без которого его (дискурса) рассмотрение считалось бы неполным и не состоявшимся.

Ключевые слова: художественный дискурс, текст, декодирование, прагматическое воздействие.

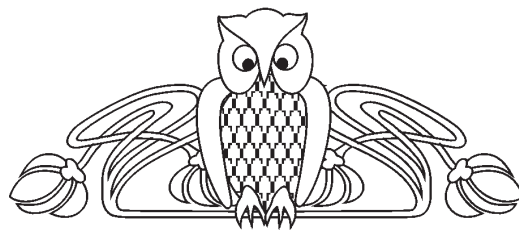
Subjective Aspects of Art Discourse Perception

Е. N. Vasilishina

In this article the communicative and pragmatic approach to art discourse is realized, which assumes that the discourse is obligatorily

Примечания

- 1 См.: *Бобырева Е.* Религиозный дискурс : ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград, 2007. С. 41–42.
- 2 См.: *Верецагин Е., Костомаров В.* Язык и культура. М., 2005. С. 741–742.
- 3 См.: *Бломберг К.* Интерпретация притчей. М., 2005. С. 73.
- 4 См.: *Ricoeur P.* The Rule of Metaphor. Toronto ; L., 1977. P. 173–215.
- 5 См.: *Бломберг К.* Указ. соч. С. 145.
- 6 См.: *Верецагин Е., Костомаров В.* Указ. соч. С. 746.
- 7 См.: *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001. С. 239.
- 8 *Гладков Б.* Толкование Евангелия. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004. С. 511.
- 9 Там же. С. 510.
- 10 *Феофилакт, Архиепископ Болгарский.* Святое Евангелие от Луки с толкованием блаженного Феофилакта, Архиепископа Болгарского. М., 2004. С. 374–375.
- 11 *Барсов М.* Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Четвероевангелия с библиографическим указателем : в 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 217.
- 12 См.: *Бломберг К.* Указ. соч. С. 184.
- 13 См.: *Wilcock, M.* The Saviour of the World : The Message of Luke's Gospel. Leicester ; Downers Grove, 1979. P. 149–157.
- 14 См.: *Danker F. W.* Jesus and the New Age : A Commentary on St. Luke's. Philadelphia, 1988. P. 275.
- 15 The New American Bible : Revised New Testament. 1986. P. 227.
- 16 *Бломберг К.* Указ. соч. С. 186–187.

aimed at an addressee / recipient, without which discourse analysis would be considered incomplete and unaccomplished

Key words: art discourse, text, decoding, pragmatic impact.

Феномен художественного дискурса актуализируется в последние десятилетия по причине установленной конгруэнтности между художественным текстом и речевым актом. По мнению Н. Д. Арутюновой, «литературной коммуникации, так же, как и повседневному человеческому общению, присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный акт (эстетическое воздействие)»¹.

Художественный дискурс манифестируется в качестве субстрата адекватных интерпретаций

его текста аналогично языку, который представляет собой конгломерат речевых актов. Однако интерпретации могут быть и неадекватными произведению. Одна из точек зрения на предмет порождения смысла текста как внешней формы его существования принадлежит В. Тюпа, который считает, что в тексте не прочитывается субъективная позиция, мнение продуцента на предмет репрезентации в тексте. Автор как бы «вслушивается» в речь повествователя, таким образом, обладая «даром непрямого говорения»². При этом то эстетическое впечатление, которое получает реципиент от прочитанного текста, есть не просто полученное сообщение, а некая ментальная операция, которая выступает «проводником» в целях качественной реконструкции и трансформации собственной жизни по заданной художественным текстом траектории.

Текст представляет собой внутреннее сопряжение гетерогенных сущностей – семиотический продукт автора и внутренний мир реципиента. Необходимо констатировать, что текст – продуцент смысла, «оживающий» только в момент соприкосновения с внутренним миром реципиента. Художественный текст предстает уже не языком, а «семиотическим пространством, в котором взаимодействуют, интерферируются и иерархически самоорганизуются языки»³.

С целью перехода коммуникативной ситуации в коммуникативное событие реципиенту текста необходимо войти в интересующее пространство общения. Рецептивную функцию актуализации смысла осуществляет адресат, который оказывает активное воздействие на высказывание. Художественный текст требует от субъекта рецепции полного погружения в семантико-семиотическое пространство текста таким образом, чтобы «я – субъекта повествователя» было идентично «я – реципиента». При этом данная идентификация должна пониматься как полное наложение, слияние двух указанных выше фигур.

По мнению В. Е. Хализева, «текст литературного произведения составляет единство двух нервущихся линий: это, во-первых, цепь словесных обозначений внесловесной реальности и, во-вторых, ряд кому-то принадлежащих (повествователю, лирическому герою, персонажам) высказываний»⁴. Неотъемлемыми атрибутами художественного дискурса являются объектная и субъектная его организация. Любое художественное высказывание принадлежит субъекту речи и экстраполировано на адресата-реципиента (читателя). Это и относится к специфической стороне художественного дискурса.

Текст литературного произведения, представляющий собой художественный дискурс, актуализирует единство коммуникативного события между эстетическим объектом и эстетическим адресатом. Конституируемая искусством тройственная конвергенция состоит в нераздельности

субъекта, объекта и адресата. При этом всякий текст маркирован адресованностью – наделение рецептивной функцией воспринимающего субъекта (читателя).

Необходимо отметить, что текст как презентация внешней оболочки литературного дискурса связан с его прагматической направленностью, так как любое речевое произведение ориентировано на адресата. Текст манифестируется как совокупность системно выстроенных речевых знаков в их последовательности, реализующая сопряженную модель коммуникативных действий адресанта и адресата сообщаемого⁵: объект – внутренняя динамика и организация, которые детерминированы его смысловой открытостью в процессе коммуникации. Субъектное восприятие художественного дискурса предполагает анализ собственно языковой ткани текста и реконструирование смысло содержания текста.

Следовательно, художественный дискурс эксплицирован коммуникативно направленным вербальным произведением и представляет собой линейно организованную систему, в структурном ряду которой иницируются эксплицированные средствами языка мысли и чувства автора, продуцирующие определенную интерпретацию текста реципиентом. В ходе процесса коммуникации неизбежно осуществление прагматического воздействия на реципиента. В этой связи под коммуникативно-прагматической установкой автора понимается деятельность автора текста, экстраполированная на выбор средств с целью определенного воздействия на реакцию реципиента.

Дистинктивными признаками художественной коммуникации являются взаимосвязь автора и реципиента на интеллектуально-творческой основе. При этом текст как внешняя репрезентация художественного дискурса ориентирован на определенное отношение к объективному миру, кумулированный в особом роде художественную концепцию. Неотъемлемыми атрибутами художественной рецепции является экспликация вербальной образности и выразительных средств, которые непосредственно связаны с картиной мира реципиента, а также трансформация и обогащение языка за счет художественного текста.

Художественный дискурс предопределяет следующие виды отношений: автор и реальная действительность; автор и реципиент; автор и коммуникативный процесс, и ориентирован на творческую составляющую процесса создания художественного текста и дальнейшего воздействия на реципиента. В процессе создания художественного текста с помощью языковых средств информация кодируется, она в конечном итоге и составляет текст литературного произведения. Закодированная информация требует декодирования, которое осуществляет реципиент в процессе чтения художественного текста.

В процессе соприкосновения читательского сознания и художественного текста иницируется

дискурс. В этой связи дискурс актуализируется как поэтапный предсказуемо-непредсказуемый процесс взаимодействия текста и реального читателя, выполняющего либо нарушающего волю автора, привносящего в текст информацию, которая была знакома или не знакома писателю. Итак, текст без читателя неполон, в особенности декодирования той части, которая именуется имплицитной (явно не выраженной), но предполагается известной читателю и вычленяется им в процессе создания художественного дискурса. Продюцент текста наполняет свое произведение смыслом таким образом, чтобы оно было адекватно воспринято реципиентом в процессе декодирования, думая о включении его в некоторый социальный и ситуативный контекст их создания – создает определенный дискурс, который маркирован неким «пространством», живущим законами, заданными автором. Когнитивно-коммуникативный подход постулирует рассмотрение текста художественного произведения как некоторой коммуникативной организации, которая объективизирует индивидуальные особенности поведения коммуниканта.

Конститутивным признаком дискурса считается его когнитивная природа, так как коммуниканты, обладая некоторым комплексом знаний, стремятся посредством текста сообщения к передаче и интерпретации концептуальной информации, локализованной в индивидуальных структурах памяти. Для когнитивной лингвистики, в отличие от других дисциплин когнитивного цикла, характерно рассмотрение тех процессов и когнитивных структур, в центре которых находится человек и его языковые способности. В этой связи актуализируется представление человека о ментальной репрезентации языкового знания и когнитивной переработке этого знания. Исследуя информацию, используемую в процессе декодирования текста, мы применяем не только знания языка, но и знания о мире в целом, с учетом культурного и социального контекста, то есть ментальные основы понимания и продуцирования речи.

Когнитивный анализ дискурса напрямую связан с решением задачи изучения языкового образа мира. Дискурсивная деятельность человека манифестируется экспликацией национальной картины мира в языковых формах. Те языковые формы, которые используются в процессе коммуникации, рассматриваются как средство реализации системы культурно обусловленных значений, репрезентирующих принятые в данной социальной группе знания, пресуппозиции и ценностные ориентации. Когнитивный анализ дискурса ориентирован на то, чтобы глубже проникнуть в сущность вещей, проследить когнитивные операции ассоциирования в индивидуальном мышлении.

Когнитивный подход к дискурсу детерминирован во многом исследованиями в таких областях знания, как психолингвистика, когнитивная лингвистика, а также работами в области искус-

ственного интеллекта. В этой связи релевантные в процессе коммуникации знания интерпретируются в качестве ментальных репрезентаций. Такого рода структуры принято описывать в терминах фреймов, сценариев, схем и использовать для моделирования процесса восприятия и декодирования речи.

Актуализация дискурса маркирована как когнитивными знаниями, так и комплексом процедурального знания, которые в теории коммуникации принято называть «коммуникативными практиками», играющими в общении роль intersубъективных, социокультурных факторов⁶.

Адекватное описание процесса коммуникации невозможно без учета когнитивных процессов, имеющих место в сознании коммуникантов при порождении, восприятии и декодировании речи. При этом очевидна необходимость изучения, помимо собственно лингвистических и релевантных внешних параметров коммуникации, их ментальных репрезентаций.

Центральной идеей когнитивного подхода является следующее утверждение: человек представляет собой, в первую очередь, мыслящее существо, в силу чего все стороны человеческой деятельности рассматриваются сквозь призму субъективности, принимая во внимание представления и убеждения, оценки и предпочтения конкретного индивида. Деятельность индивида с когнитивной точки зрения так или иначе реализуется посредством обработки информации, под которой понимают сообщения, репрезентированные трансляцией от передающего к принимающему, в результате чего информация в процессе передачи трансформируется.

Другим не менее важным признаком дискурса является его прагматическая направленность, позволяющая определить роли коммуникантов и их межличностные отношения, выявить прагматические намерения адресанта, изучить место и время протекания ситуации.

Организация дискурсивной парадигмы художественного текста рассматривается лингвистами в рамках прагматического аспекта. При этом учитывается экстралингвистический фактор функционирования текста, рассматривается степень воздействия на адресата. С целью эффективного прагматического воздействия на реципиента вектор внимания продуцента направлен на эмоциональное восприятие информации художественного текста путем наделения текста экспрессивными языковыми средствами. Языковая ткань художественного текста представлена эксплицитно и имплицитно, что детерминировано двойственной природой языкового знака. Имплицитная информация характеризуется скрытой формой ее размещения, а значит, субъективное ее восприятие актуально в большей степени – неоднозначность восприятия детерминирована смысловой открытостью текста за счет имплицитной информации, содержащейся в нем. От того, насколько экспли-

цитно представлена позиция автора в тексте, зависят степень и характер освоения имплицитной информации и прагматического эффекта в целом при его восприятии реципиентом.

Проблему рецепции и интерпретации расматривает герменевтика, с точки зрения которой понимание – это процесс постижения смысла/смыслов текста⁷. Понимание маркировано своего рода диалогом между пишущим и читающим, в процессе которого осуществляется деятельность по распределению смысла текста, именуемая текстовой деятельностью⁸. Данный диалог объективирован конгруэнтностью картины мира продуцента и реципиента, так как понимание художественного текста детерминировано совокупностью факторов психолого-социального и культурно-языкового характера. Дихотомия «свой» – «чужой» находит свое воплощение в процессе прочтения текста следующим образом: реципиент постигает смысл, заложенный автором в произведении, одновременно пытаясь найти комплементарные единицы между своей и авторской картиной мира. Процесс эмпатии предполагает в этом смысле то, что в памяти реципиента налагаются на хранящиеся там знания определенные компоненты, вычитанные из текста; итогом данного процесса и служит понимание художественного текста. Для каждого реципиента существует только его знакомое, только ему данное и именно у него возникающий вопрос⁹.

По мнению М. М. Бахтина, понимание не есть акт, наделенный индивидуальными особенностями реципиента, а включает в себя отдельные акты и уровни, каждый из которых выполняет свою функцию: восприятие текста; узнавание текста и понимание его общего значения в данном языке; понимание его значения в контексте данной культуры; активное диалогическое понимание его смысла, совпадающее с его формированием¹⁰, то есть обычное декодирование той информации, которая изначально была заложена автором текста. Мы полагаем, что декодирование смысла есть акт неоднозначный, так как для художественного текста характерны смысловая открытость, континуальность содержания и динамика смысла.

Акт декодирования эксплицирован своеобразным сплетением внутреннего мира художественного текста – внешней репрезентанты художественного дискурса и мира реципиента. Декодирование текста во многом зависит от умения реципиента оперировать базовыми глубинными семантическими структурами, являющимися основой каждого составляющего элемента высказывания, от умения абстрагироваться от понимания только внешнего значения и подойти к подтексту, лежащему в основе высказывания. В этой связи необходимыми условиями являются процесс превращения последовательного ряда слов в одно симультанное целое и переход от процесса обозрения отдельных входящих в конструкцию элементов к восприятию единой логической структуры высказывания.

Декодирование – процесс, обратный кодированию, – представляет собой трансляцию текста на язык реципиента. Данный процесс во многом предопределен субъективным восприятием, способностью реципиента распознавать, анализировать и интерпретировать коды. Восприятие и декодирование текста может быть полным и несостоявшимся вследствие, например, отсутствия умения оперировать данным кодом по причине незнания языка. Однако целью автора с момента создания текста является обеспечение необходимых условий для наиболее полного понимания содержания созданного текста, которое достигается путем особого построения автором своего произведения, в результате чего реципиент трансформирует внешнюю речь во внутренний смысл излагаемого текста.

Другой целью, тесно связанной с первой, является сведение к минимуму семантических помех и шумов на пути к восприятию, вследствие чего автор должен использовать такие средства, которые были бы ориентированы на полноценное достижение поставленных задач и интерпретацию сообщения получателем в соответствии с целью отправителя.

Необходимо отметить, что при создании письменного текста задача автора состоит не в случайном внесении контекстом дополнительной значения в семантическое поле лексической единицы, а в соответствующем конструировании контекста, экстраполированного на сознательный отбор тех значений языковых единиц и такой их комбинации, которые максимально воплощали бы авторские интенции, отражая определенную часть действительности и авторское восприятие. Таким образом, формирование смысла всегда находится в тесной взаимосвязи с коммуникативным намерением самого автора.

Так как мыслительная деятельность – динамическое явление индивидуального сознания, этим и детерминирован процесс инициирования актуальных когнитивных признаков, которые позволяют сделать смысл структурой актуального содержания данного текста. Концепты – психоментальные единицы сознания реципиента, и их перерождение, формирование позволяют представить все то, что реципиент чувствует, думает по поводу того или иного фрагмента художественного текста. Необходимо отметить, что языковые средства реализации информации в тексте – инвариантны, а собственно смысл – подвижен, а значит, субъективен.

Концептуальная система реципиента¹¹ объективирует совокупность смыслов и неоднозначность интерпретаций текста, так как концептосфера реципиента и продуцента, когнитивно-семантические маркеры их сознания не совпадают, что вполне логично. В процессе декодирования происходит глубинное восстановление смысловой структуры текста – реципиент как бы реконструирует семантическую структуру художественного текста с учетом маркеров, искусно

локализованных автором в тексте. Построение проекции текста является логическим результатом процесса декодирования художественного текста, в которой кумулируются механизмы аксиологической интерпретации, позволяющие реципиенту давать ту или иную интегральную оценку текста¹². Акцентуация роли воспринимающего художественный текст субъекта как интерпретатора, иницирующего индивидуальные репрезентации объективного мира, приводит к разбиению смысла объекта/текста на совокупность различных интерпретаций; существование различных точек зрения на один и тот же объект детерминировано разным уровнем подготовленности реципиента и его индивидуальными характеристиками.

Таким образом, восприятие художественного текста – внешнего репрезентанта дискурса – манифестируется как творческий и конструктивный процесс. Автор текста предлагает реципиенту вступить в своего рода игру – по актуализации, трансформации и индивидуализации для самого воспринимающего субъекта смысла. При этом теорию диалогичности читателя и автора стоит понимать, на наш взгляд, не просто как «приспособление» реципиента к тексту и авторской позиции, объективированной в нем, а как сотворчество, предполагающее своего рода общение читателя с текстом, привнесение в него собственных смыслов.

УДК 81'24

ТАКТИКИ СМЯГЧЕНИЯ КАТЕГОРИЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (на материале собственных ручных записей разговорной речи)

О. А. Андреева

Саратовский государственный университет
E-mail: polise1988@rambler.ru

В статье описываются некоторые тактики и средства, смягчающие категоричность высказывания, к которым мы относим тактику предупреждения негативной реакции адресата, тактику возражения под видом согласия, тактика использования авторизирующих конструкций, тактику использования некатегоричной оценки и др.

Ключевые слова: категоричность, смягчение категоричности, негативная реакция, коммуникативная неудача.

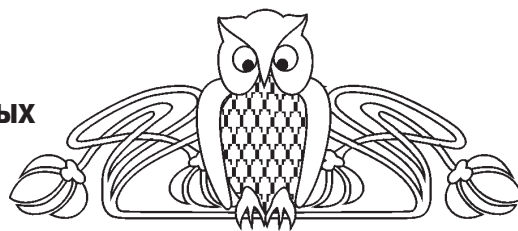
The Tactics of Softening the Categoricity of the Statement (on the Material of the Author's Personal Notes of Conversational Speech)

O. A. Andreeva

The article describes certain tactics and means used to soften the categoricity of the statement, which include the tactics of preventing the addressee's negative reaction, the tactics of objection disguised as consent, the tactics of authorizing constructions, the tactics of employing non-categorical estimation and others.

Примечания

- ¹ Арутюнова Н. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 365.
- ² Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 289.
- ³ Лотман Ю. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. Т. 14. Тарту, 1981. С. 7.
- ⁴ Хализев В. Теория литературы. М., 1999. С. 99.
- ⁵ См.: Сидоров Е. Проблема речевой системности. М., 1987.
- ⁶ См.: Телия В. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- ⁷ См.: Богин Г. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982. С. 5.
- ⁸ См.: Дридзе Т. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984. С. 78.
- ⁹ См.: Васильева В. Интерпретация текста в образовании. Пермь, 1997. С. 21.
- ¹⁰ См.: Бахтин М. Указ. соч. С. 361.
- ¹¹ См.: Герман И., Пицальникова В. Введение в лингвосинергетику. Барнаул, 1999.
- ¹² См.: Сорокин Ю. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985. С. 86.

Key words: categoricity, categoricity softening, negative reaction, communicative failure.

Человеческие отношения представляются лингвистам как сложная сеть межличностных коммуникаций. Ежедневно мы вступаем в коммуникативное взаимодействие с десятками других людей (дома, на работе, в общественном транспорте, в магазине и т. д.), каждый из которых обладает собственным, уникальным набором личностных и коммуникативных характеристик. Важно, чтобы это коммуникативное взаимодействие происходило эффективно и беспрепятственно. Этому способствуют этические и коммуникативные нормы, осуществляющие функцию, схожую с той, которую выполняют правила дорожного движения, – регулирование и упорядочение коммуникации. С их помощью говорящий может рассчитывать на то, что будет услышан и правильно понят в каждой отдельной коммуникативной ситуации.

Соблюдение коммуникативных норм позволяет говорящему сделать речь коммуникативно